

Он словно поддался какому-то наваждению, подошел, наклонился, поднял журнал и, лениво перелистнув пару страниц, наконец вздохнул с облегчением.

За последние годы у него почти не было никаких ресурсов, не говоря уже о съемках для обложек журналов.

Непонятно, какое мелкое желтое издание напечатало этот журнал.

В нем рассказывалось о его якобы бурной любви и ненависти с главным героем-омегой Чэн Чэн, а содержание изо всех сил живописало его преданным псом, готовым пожертвовать собой ради любви, чтобы оттенить всеобщую очаровательность Чэн Чэна.

Обложка журнала представляла собой коллаж из двух фотографий — его и Чэн Чэна, только половина с Чэн Чэном была загнута, так что все выглядело так, будто это его собственная сольная обложка.

Выходило, что Лу Чжи хранил этот журнал, скорее всего, ради Чэн Чэна.

Он поджал губы, глядя на несколько тщательно упакованных розовых квадратиков на полу.

Да еще и экстра-большого размера.

Он машинально бросил взгляд себе на пах: — ...

Шэнь Жаньсинь холодно усмехнулся.

Ну и мастер притворяться, уморить можно.

Даже на любовное шоу не забыл притащить эту хрень, сраный гей, какая гадость!

*

Когда Лу Чжи вышел из ванной, он увидел, что Шэнь Жаньсинь стоит перед его чемоданом, приподняв брови с лукавой ухмылкой.

У него были холодные черты лица, а уголки миндалевидных глаз алели с каким-то чарующим, душу вытягивающим оттенком. Когда он вот так задирает брови, в этом движении словно смешивались все мыслимые мирские соблазны.

Лу Чжи прищурился, уставившись на железу на загровке Шэнь Жаньсиня.

Только что, находясь в ванной, он так и рвался вцепиться зубами в эту железу, чтобы без оглядки впрыснуть туда свой запах.

Феромоны двух Альф не могли слиться воедино — сколько бы раз он ни кусал, на железе Шэнь Жаньсиня никогда не останется его собственного уникального аромата.

При одной этой мысли глаза Лу Чжи слегка покраснели.

Как же хотелось заставить этот гордый, негибачаемый взгляд окраситься в соблазнительный розовый цвет, а эти глаза, полные слез, наверняка будут выглядеть до умопомрачения прекрасными.

Шэнь Жаньсиня не волновалось то, что происходило рядом, поэтому Лу Чжи просто

прислонился плечом к дверному косяку, скрестив свои длинные ноги, и вытащил из кармана леденец на палочке, отправляя его в рот.

Острые звериные клыки свирепо размололи конфету, и взрывной апельсиновый аромат мгновенно заполнил весь рот.

Немного похоже на феромоны Шэнь Жаньсиня.

В отличие от пропитанного агрессией запаха крепкого бренди, исходившего от Лу Чжи, феромоны Шэнь Жаньсиня пахли так приятно, что даже не походили на Альфу.

Лу Чжи почти с мазохистским упоением принимался к запаху феромонов Шэнь Жаньсиня, осевших на его собственной одежде.

Устойчивый древесный аромат перемешивался с кисло-сладкими нотками нероли, на запах он казался легким и чистым, а основательность темного дерева и прохладная свежесть кедра идеально сливались воедино, и каждая капелька этого аромата словно манила и дразнила его.

Шэнь Жаньсинь понятия не имел об оргазме воображения, который переживал в этот момент Лу Чжи.

Он повел бровей, присел на корточки и выудил из собственного чемодана банку соуса Лаоганьма.

Спустя мгновение, видимо сочтя, что Лаоганьма слишком бросается в глаза, он достал из чемодана еще и тубик васаби.

Аккуратно распаковав лежавший перед ним розовый квадратик и выдавив туда васаби, он достал небольшой пластиковый зажим для пакетов и вернул розовый квадратик в прежний вид.

И только когда все розовые квадратик в чемодане Лу Чжи были заполнены васаби, он убрал пустой тубик, подхватил свой чемодан и быстрым шагом удалился.

Лу Чжи, стоявший в стороне и наблюдавший всю эту картину целиком: — ...

Ну и жесток же он.

*

Мгновение любви было невероятно популярным романтическим шоу, и с нынешним статусом Шэнь Жаньсиня ему было бы не потянуть место гостя.

В конце концов, из шести участников, не считая его самого, остальные пятеро были вовсе не из простых семей.

То были либо жутко популярный в китайском шоу-бизнесе топовый айдол и всенародный омега Чэн Чэн.

Либо молодой господин пекинской тусовки, топовый Альфа Лу Чжи, завоевавший тысячи фанатов благодаря одной лишь фотографии в экономическом журнале.

Либо малоизвестный музыкант на любителя, умевший абсолютно всё, — который, к тому же, тоже оказался омегой. Шэнь Жаньсинь не запомнил его имени, знал лишь то, что хотя песни того и не пользовались народной любовью, он неожиданно прославился благодаря своей

внешности, что подстегнуло продажи альбомов и в одночасье сделало его популярным певцом.

Второй — восходящая звезда киберспорта, Альфа. Как он играет, было неизвестно, но больше всего прославились его руки, которые фанаты называли пределом мечтаний для любителей красивых кистей.

О третьем Шэнь Жаньсинь знал — это был знаменитый актер Фан Юй. В некотором смысле, можно сказать, он был его старшим коллегой: в то время, когда Шэнь Жаньсинь еще подрабатывал в массовке, они однажды пересеклись. Это был мужчина с классической, правильной и мужественной красотой.

С имиджем старой закалки, с парой персиковых глаз, которые даже при бесстрастном выражении лица словно излучали легкую улыбку, и великолепной фигурой с рельефными мышцами — трудно было вообразить, что он на самом деле Омега.

Шэнь Жаньсинь, прокручивая в голове информацию о гостях, потащил чемодан в сторону трехэтажного коттеджа, где проходили съемки.

Стоило ему войти, как он обнаружил, что кто-то уже сидит в гостиной, опустив голову и о чем-то беседуя с персоналом.

Заметив вошедшего, парень поднял голову, тряхнув слегка растрепанными рыжими кудряшками. Его глаза, напоминающие щенячьи, были большими и яркими, кожа — фарфорово-белой, а при улыбке у губ проступали ямочки, придавая ему задорный и юношески свежий вид, словно он был жизнерадостным младшеклассником.

Воистину, первоклассный Омега. Хотя, если судить по возрасту, Чэн Чэну в этом году исполнилось уже двадцать три, он выглядел по-детски милым, что невольно вызвало огромное желание защитить его.

Чэн Чэн одарил его улыбкой:

— А-Жань, ты пришел.

Шэнь Жаньсинь приподнял бровь и, быстро войдя в рабочий режим, одарил его мягкой улыбкой:

— Да, чем занимаешься?

— Настраиваю оборудование, скоро уже начнутся съемки, — Чэн Чэн склонил голову набок и похлопал по месту рядом с собой. — А-Жань, посидишь здесь со мной?

Шэнь Жаньсинь, чьей целью было придерживаться образа верного поклонника, не заподозрил подвоха, оставил чемодан и сразу же подошел. Когда он сел, Чэн Чэн внезапно подался ближе,

его аккуратный носик морщинисто забавно сморщился, а блеск в глубине глаз внезапно потускнел:

— А-Жань, от тебя ужасно воняет.

Шэнь Жаньсинь замер, приподнял воротник и принялся.

В нос ударил аромат бренди, смешанный с прохладным хвойным шлейфом кедр.

Смущенно улыбнувшись, Шэнь Жаньсинь произнес:

— Прости, похоже, запах феромонов рассеялся, я сейчас все исправлю.

Чэн Чэн задрал голову и вдруг протянул руку, коснувшись его затылка — холодные кончики пальцев прошли по слегка разогретой железе:

— Возвращайся скорее, ладно? Скоро уже начнется съемка, а таскать за собой шлейф псины — не лучший вариант.

Шэнь Жаньсинь: «.....»

Неужели аромат его собачьей преданности стал настолько густым?!

Попросив у сотрудников несколько блоков, он встал и направился в уборную.

Разобравшись со всем, он вышел и обнаружил, что на диване прибавилось людей.

Лу Чжи лениво откинулся на спинку одиночного кресла, уткнувшись в телефон, а Чэн Чэн сидел рядом и, казалось, о чем-то с ним разговаривал.

Пальцы Лу Чжи, листающие ленту, внезапно замерли. Он поднял голову и посмотрел на него с полуулыбкой во взгляде.

Шэнь Жаньсинь с облегчением кивнул.

И правда главные герои-любовники, им совершенно не нужно его искусственное вредительство для того, чтобы сойтись!

— А-Жань! — закончив разговор, Чэн Чэн поднялся и вернулся на свое место. Заметив Шэнь Жаньсиня, он взмахнул рукой и позвал: — Иди сюда, все уже в сборе, давай представимся!

Шэнь Жаньсинь шагнул вперед, но, когда он проходил мимо Лу Чжи, тот неожиданно схватил его за запястье и резко дернул вниз!

В следующее мгновение аромат алкоголя, от которого он с таким трудом избавился, снова тонкими нитями заструился вокруг него, и Шэнь Жаньсинь рухнул прямо на колени к Лу Чжи.

Чей-то теплый палец поверх блокирующего пластыря надавил на железу на его затылке.

— Что за пластырь ты наклеил? — Лу Чжи держал под контролем его шею. — Дай-ка взглянуть.